

СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ

“

БлокАда

СОЗДАН В РАМКАХ ПРОЕКТА
«ГУМАНИТАРНЫЙ ЖЕСТ»

И люди слушали стихи,
как никогда, — с глубокой верой,
в квартирах черных, как пещеры,
у репродукторов глухих.

Ольга Берггольц

Сборник стихотворений, который вы видите перед собой, стремится воссоздать атмосферу блокадного Ленинграда. Пожалуй, каждый ощущает отголоски блокады, находясь в Петербурге сегодня. Но целостная картина может выстроиться лишь после ознакомления с историей, документальными кадрами, а также прозой того времени. Но даже этого недостаточно, чтобы выйти за рамки фактов и бытовых ситуаций. Приглашаем Вас в мир поэзии, чтобы Вы постигли все оттенки трагической картины прошлого...

Ольга Фёдоровна Берггольц

Берггольц, а именно голос этой выдающейся поэтессы, представляет собой один из важнейших символов Блокады. Словно у древнегреческой богини, у Ольги Фёдоровны множество имён, дополняющих и заменяющих друг друга. Она являет собой настоящее мужество, человеческую силу духа. Как и всех других авторов, выбранных нами для этого сборника, Ольгу Берггольц можно описать одним словом, которого достойны немногие пишущие люди – гениальный поэт.

Анна Андреевна Ахматова

Ахматова провела в Блокадном Ленинграде лишь первые дни, а затем была эвакуирована в Ташкент. Тем не менее отделить ее от тюрьмы «Кресты», навсегда запечатлённой в поэме «Реквием», от Фонтанного дома, Летнего сада и Петербурга в принципе невозможно. Стихами Анны Ахматовой пропитаны улицы города. Она навсегда останется его частью.

Александр Александрович Блок

Пусть в нашем сборнике Блок присутствует исключительно для воссоздания образа революции, но и его, как и Анну Ахматову, нельзя воспринимать вне Петербурге, вне родных каналов, мостов и... аптек. Блок умер в своём доме на улице Декабристов, не застав Второй Мировой войны, но многие его произведения важны для понимания той исторической эпохи.

Даниил Леонидович Андреев

Андреев родился в Берлине в семье русского писателя Леонида Андреева, написавшего, например, рассказ «Иуда Искариот» и большое количество иных поразительных вещей. Даниил Андреев начал свою литературную деятельность со стихотворений, но затем у поэта появился и прозаический опыт. Во время войны писателя призвали в армию. Так он попал в блокадный Ленинград. В шестой главе большой книги «Русские боги» Андреев описывает блокаду...

Лев Иванович Пумпянский

Пумпянский был искусствоведом. У Льва Ивановича имеется поэтический сборник «Эрмитаж», в котором все стихотворения и поэмы были написаны им в блокадном Ленинграде. Если бы не описание натюрмортов Снейдерса (оно будет представлено ниже), трудно было бы осознать, в какое тяжёлое тяжёлое время создавались его произведения. Они позволяют нам почувствовать силу искусства.

Геннадий Самойлович Гор

Геннадий Гор не только поэт, но и прозаик. К большому сожалению, его стихотворные работы были опубликованы лишь в двадцать первом веке. Тем не менее, они в корне меняют взгляд любого человека на блокадную поэзию. Нам посчастливилось узнать его пропитанные глубоким страданием произведения, в которых находит свое выражение острый ум Геннадия Самойловича.

Елена Андреевна Вечтомова

Елена Андреевна – прозаик, журналист, поэт, имеет медаль «За оборону Ленинграда». Муж Вечтомовой, Юрий Инге, тоже был поэтом и, ко всему прочему, моряком, историком. Он погиб спустя некоторое время после войны и Вечтомова осталась одна вместе с сыном в блокадном Ленинграде. Елена Андреевна читала стихи на радио и во многих иных местах, готовила к изданию сборники мужа. В нашем сборнике мы приводим небольшое стихотворение, написанное ею в день прорыва блокады.

Эдуард Аркадьевич Асадов

Асадов – замечательный поэт. Война для него началась через неделю после школьного выпускного вечера. Он отправился на фронт, сражался самоотверженно, совершил подвиг, за который получил орден Красной Звезды, но поплатился собственным зрением. Врачам удалось сохранить жизнь Эдуарда Аркадьевича, поэтому теперь каждый из нас может читать множество его светлых, будто вечно юношеских, но в то же время глубоких и мудрых стихотворений.

Роберт Иванович Рождественский

Рождественский родился за 9 лет до начала войны. Когда на фронт призвали мать поэта, он остался с бабушкой. Первые его публикации связаны с военной тематикой и, дочитав до конца наш сборник, вы убедитесь, насколько большой след оставила война в жизни и творчестве Роберта Ивановича.

Часть первая. Довоенное время

Какие чувства занимали сердца горожан ещё до Блокады? Серебряный век пришелся на довоенное время и был разрушен репрессиями и голодом. Невероятное страдание, общее, одно огромное страдание, рассыпанное на пути у совершенно разных людей, смогло вызвать появление выдающихся деятелей искусства.

РЕВОЛЮЦИЯ

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате – плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается – плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий – раздет, разут...
Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
– Ох, Матушка-Заступница!
– Ох, большевики загонят в гроб!

Александр Блок, поэма «Двенадцать», первая часть, отрывок

РЕПРЕССИИ

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.

Легкие летят недели.
Что случилось, не
пойму,
Как тебе, сынок, в
тюрьму
Ночи белые глядели,
Как они опять глядят
Ястребиным жарким
оком,
О твоём кресте высоком
И о смерти говорят.

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

Анна Ахматова, поэма «Реквием»

Часть вторая. Образ блокадного Ленинграда

Для начала стоит обратиться к картине блокадного Ленинграда, будто мы с вами смотрим изнутри, хотя это и невозможно. Но стихи моментально перенесут нас в другой город, практически разрушенный, но не сломленный. Город, существующий лишь благодаря людям, страдающим от голода, холода, но не потерявшим то единственное, что может согреть в страшный мороз войны – надежду.

Ночные ветры! Выси черные
Над снежным гробом Ленинграда!
Вы – испытанье; в вас – награда;
И зорче ордена храню
Ту ночь, когда шаги упорные
Я слил во тьме Ледовой трассы
С угрюмым шагом русской расы,
До глаз закованной в броню.

Даниил Андреев, поэма
«Ленинградский апокалипсис»,
первая часть

На улицах не было неба.
Природа легла – отдохнуть.
А папа качался без хлеба,
Не смея соседку толкнуть.
А папа качался без хлеба,
Стучался в ворота судья,
Да в капле сидела амеба
В амебе сидела судьба.

Геннадий Гор

Казалось – солнце не взойдет.
Навеки ночь в застывших звездах,
навеки лунный снег, и лед,
и голубой свистящий воздух.
Казалось, что конец земли...
Но сквозь остывшую планету
на Ленинград машины шли:
он жив еще. Он рядом где-то.

Ольга Берггольц , «Ленинградская
Поэма», часть третья, отрывок

Она несла в худой руке
Кусочек сахара блокадный,
А ты был в близком далеке,
А рядом – отзвук канонадный.
Чуть меньше тысячи шагов
Идти до госпиталя было,
Но каждый шаг, как сто веков.
И с каждым – сила уходила.
Казалось, лёгкое пальто
Потяжелело «дестикратно».
И на весь мир не знал никто
Дойдёт ли женщина... обратно.

Александр Трубин, стихотворение
«Блокада»

Скрипят, скрипят по Невскому полозья:
На детских сапках, узеньких, смешных,
в кастрюльках воду голубую возят,
дрова и скарб, умерших и больных.

Так с декабря кочуют горожане, —
за много верст, в густой туманной мгле,
в глуши слепых обледеневших зданий
отыскивая угол потеплей.

Вот женщина ведет куда-то мужа:

седая полумаска на лице,
в руках бидончик — это суп на ужин...-
Свистят снаряды, свирепеет стужа.
Товарищи, мы в огненном кольце!

А девушка с лицом заиндевелым,
упрямо стиснув почерневший рот,
завернутое в одеяло тело
на Охтенское кладбище везет.

Везет, качаясь, — к вечеру добраться б..
Глаза бесстрастно смотрят в темноту.
Скинь шапку, гражданин.
Провозят ленинградца.
погибшего на боевом посту.

Скрипят полозья в городе, скрипят..
Как многих нам уже не досчитаться!
Но мы не плачем: правду говорят,
что слезы вымерзли у ленинградцев.

Ольга Берггольц, поэма «Февральский дневник», отрывок

Ольга Берггольц, «Я говорю с тобой под свист снарядов», читает Любовь Огорова

Часть третья. О людях

Люди сохранили Ленинград во время блокады, чтобы теперь каждый из нас мог вновь восхищаться красотой этого поразительного города. О людях хочется говорить отдельно.

Пятая часть

Да, мы не скроем: в эти дни
мы ели землю, клей, ремни;
но, съев похлебку из ремней,
вставал к станку упрямый мастер,
чтобы точить орудий части,
необходимые войне.
Но он точил, пока рука
могла производить движенья.
И если падал — у станка,
как падает солдат в сраженье.

Первая часть

Как будто на краю земли,
одни, во мгле, в жестокой схватке,
две женщины, мы рядом шли,
две матери, две ленинградки.
И, одержимая, она
молила долго, горько, робко.
И сил хватило у меня
не уступить мой хлеб на гробик.
И сил хватило — привести
ее к себе, шепнув угрюмо:
— На, съешь кусочек, съешь... прости!
Мне для живых не жаль — не думай.—
...Прожив декабрь, январь, февраль,
я повторяю с дрожью счастья:
мне ничего живым не жаль —
ни слез, ни радости, ни страсти.

Ольга Берггольц, «Ленинградская поэма»

Лежу с женой вдвоем в
квартире,
Да стол, да стул, да лампа,
Да книги на полу.
И нет уж никого. Лицо жены.
Открытый рот.
Глаза закрытые глядят.
Но где же то живое, робкое?
Где милое?
Людмила где? Людмила!
Я кричу во сне и так. Но нет
жены.
Рука, нога, да рот.
Еще беременный живот,
Да крик зловещий в животе,
Да сын иль дочь, что не
родятся.
И не поднять мне рук и ног,
Не унести. Она лежит и я
лежу.
Она не спит и я не сплю.

И друг на друга мы глядим
И ждем.
Я жду, когда пойдет трамвай,
Придет весна, придет трава,
Нас унесут и похоронят.
И буду лживый и живой
В могиле с мертвою женой
Вдвоем, втроем и на полу не
будет книг.
Не будет лампы. Но буду
думать я —
Где ты? И что такое тут
лежит?
Чья рука? Чья нога? Моя?
Твоя?
И буду лживый и живой
В могиле с милою женой.
Вдвоем я буду как сейчас.
В квартире тускло. Я сижу.
Гляжу на мертвую жену.
Нога в могиле. А рукою

Она не трогает меня. Рука в
раю
И взгляд угас. И рот уже
отъели крысы.
Но вот нешумною рекою
Потекли. И снится лето. Я с
женою
Вдвоем, втроем течем
Бежим, струимся. Но входит
дворник.
Нас несут в подвал. И я
кричу:
— Живой! Живой!
Но мне не верят. А жены уж
нет.
Давно растаял рот. Скелет
И я вдвоем, втроем течем,
несемся.
И нет квартиры.
Лишь лампа гаснет, то горит,
Да дворник спит не умолкая.

Геннадий Гор

Багровый окорок румяно блещет,
Бараньих туш лоснится нежный жир;
Сверкает, искрится, дрожит, трепещет
Морских чудовищ первозданный мир!
Гомер всех лакомок, жратвы Шекспир!
Кто лучше понял цену «мёртвой вещи»?¹
Радужный Снейдерс всех призвал на пир,
И каждый ощущает голод резче,
Увидев и янтарный виноград,
И алый персик, и орех зелёный;
Sfumato слив и золото лимона...
Но, милый Снейдерс, свой насытив взгляд,
В душе я предпочёл (о жалкий нищий!),
Чтоб стал твой натюрморт в желудке пищей.

Лев Пумпянский, стихотворный цикл «Эрмитаж», «Натюрморт»

Франс Снейдерс, картина хранится в Эрмитаже

Лев Пумпянский, «Похищение Европы»

Геннадий Гор, «С воздушной волною в ушах...»

Часть четвёртая. О главном

Полагаем, каждый может решить самостоятельно, что было по-настоящему главным во время блокады. Либо прочесть стихотворения, которые, как нам кажется, говорят об этом...

О, мы познали в декабре —
не зря «священным даром» назван
обычный хлеб, и тяжкий грех —
хотя бы крошку бросить наземь:
таким людским страданием он,
такой большой любовью братской
для нас отныне освящен,
наш хлеб насущный, ленинградский.

Ольга Берггольц, «Ленинградская поэма»,
третья часть, отрывок

Ольга Берггольц, поэма «Февральский дневник», отрывок

Теперь – не ступишь шагу без протеза,
Душа и тело – всё сплошная рана.
Святая нимфа, нежная Европа,
Куда привёл тебя твой тёмный гений?
Ты, бывшая мечтою поколений, –
Добыча грязных лап питекантропа!
Тебя – подругу Зевса-олимпийца –
Терзает вор, насильник, и убийца.

Ты для меня, отец мой Эрмитаж,
Дороже чёрной чёрствой корки хлеба –
Голодному; милей, чем милость неба –
Монаху, что твердит свой «отче наш»!
За всё, что ты мне дал, даёшь и дашь,
Чем отплачу?.. Улыбчивая Геба,
Открой мне, что приятней взорам Феба?
Перо? Резец? Иль острый карандаш?
Но знаю я: увы, не звучно слово,
Не броска кисть моя, не твёрд резец...
Рукой коснусь ли берега крутого
Иль потону, неопытный пловец,
И труд мой канет в Лету, как свинец?
Но всё равно... Начну рассказ **ab ovo**...

Лев Пумпянский, стихотворный цикл «Эрмитаж»

Друг, товарищ, там, за Ленинградом,
Ты мой голос слышал, за кольцом,
Дай мне руку! Прорвана блокада.
Сердце к сердцу – посмотри в лицо.
Кровь друзей, взывавшая к отмщенью,
На полотнах полковых знамен.
На века убийцам нет прощенья.
Прорвана блокада. Мы идем!
Мы сегодня снова наступаем,
Никогда не повернем назад...
Мой малыш-сынишка – спит, не зная,
Как сегодня счастлив Ленинград.

Запись в дневнике Елены Вечтомовой 18 января
1943 года

Сани, кадушка, кровать
Речка, избушка, корова.
Теплое выморозь, жеребцов и мушин
оскопи
И землю сделай плешивой немецкой луною.
Сады умирают там, где ступит нога.
Дома убегают, где рука прикоснется.
Озера кричат. Рожают деревья уroda.
Сани, кадушка, кровать
Речка, избушка, корова.
Где дети? Уже не играют, уже не рисуют
И детские кости белеют, тоскуют,
И детская плоть в обломки, в кирпич
Впилась на радость кому-то.

Было иль не было –
Чтоб в речке плясала вода,
Чтоб мама смеялась
И яблоня кидала весною цветы?
Но будет.
И будет корова – коровой, избушка –
кукушкой,
И станет снова землю луна,
Соловьи захохочут в лесах
И Гитлер увянет безротый
Бесплотный с птичьей улыбкой.
И Геббельс станет повозкой.
И дым завитками над крышей уже
Как на детском рисунке. Утро встает.

Часть пятая. Надежда

Именно благодаря неугасающему
огоньку надежды многие люди
сумели выжить во время блокады.

Ольга Берггольц, «Ленинградская поэма», пятая часть, отрывок

Сны тебе спокойные приснятся
битвы стихли на земле ночной.
Люди неба больше не боятся,
неба, озаренного луной.

Ольга Берггольц, «Ленинградская поэма», пятая
часть, отрывок

Когда великий наш народ
Европу защитит от гнёта,
И вновь культура расцветёт,
Тогда на стенах Эрмитажа
Вновь Рейсдал, «поэт пейзажа»,
Места знакомые займёт.

Лев Пумпянский, стихотворный цикл «Эрмитаж»,
постскриптум

**Часть
шестая.
Послевоенное
время**

Блокада продолжала и будет продолжать отзываться в людях и после окончания войны. Именно поэтому мы и решили создать этот сборник.

Не ленинградец я по рождению.
И все же я вправе сказать вполне,
Что я - ленинградец по дымным сраженьям,
По первым окопным стихотвореньям,
По холоду, голоду, по лишениям,
Короче: по юности, по войне!
В Синявинских топях, в боях подо Мгою,
Где снег был то в пепле, то в бурой крови,
Мы с городом жили одной судьбою,
Словно как родственники, свои.
Было нам всяко: и горько, и сложно.
Мы знали, можно, на кочках скользя,
Сгинуть в болоте, замерзнуть можно,
Свалиться под пулей, отчаяться можно,
Можно и то, и другое можно,
И лишь Ленинграда отдать нельзя!
И я его спас, навсегда, навечно:
Невка, Васильевский, Зимний дворец...
Впрочем, не я, не один, конечно.—
Его заслонил миллион сердец!

Стихотворение «Ленинграду» Эдуарда Асадова, отрывок

На Невском замерло движение...
Не ночью, нет-среди бела дня .
На мостовой, как изваянье,
Фигура женщины видна.
Там, на дороге, как во сне,
Седая женщина стояла-
В её протянутых руках
Горбушка чёрная лежала.
Нет, не горбушка, а кусок,
Обезображенный бездушьем,
Размятый множеством машин
И всё забывшим равнодушьем...
А женщина держала хлеб
И с дрожью в голосе шептала:
— Кусочек этот бы тогда-
И сына б я не потеряла.
— Кусочек этот бы тогда...
Кусочек этот бы тогда...
Кто осквернил? Кто позабыл?
Блокады страшные года...
Кто, бросив на дорогу хлеб,

Забыл, как умирал сосед?
Детей голодные глаза
С застывшим ужасом, в слезах...
А Пискаревку кто забыл?
Там персональных нет могил...
Там вечный молчаливый стон
Терзает память тех времён.
Им не достался тот кусок.
Лежащий здесь...у ваших ног.
Кусок, не подаривший жизнь...
Кто бросил Хлеб-тот отнял жизнь.
Кто предал Хлеб?
Его вину суду погибших предаю.
Священный ленинградский Хлеб-
Сто двадцать пять священных граммов-
Лежит в музее под стеклом,
Свидетель мужества поправу...
На Невском замерло движенье...
Седая мать, печаль храня,
Кусок израненного Хлеба
В руках натруженных несла.

Роберт Рождественский, «На Невском замерло движенье»

Описывающее любую войну стихотворение Некрасова "Внимая ужасам войны", читает Мария Зарембо

Сборник создан в рамках проектной деятельности участников волонтерской программы проекта “Гуманитарный жест”.

Подбор стихотворений, составление статей - Александрова Александра

Оформление и идейное вдохновение - Татьяна Бутчик

Оформление и дизайн - Зайкова Алина

Стихотворения в аудиозаписях читали Юнна Бутчик и Александрова Александра

